

Долг писателей Белоруссии

Самоуверенно тщедятся советские люди на строительстве новых индустриальных предприятий, на полях возрожденных колхозов, в институтах и лабораториях, всплывающие в жизнь предначертания новой сталинской пятилетки. Советским писателям принадлежит почетная и ответственная роль: захновлять наш народ на этот великий труд, осмысливать и обобщать его опыт, творчески, активно вмешиваясь во все области жизни страны, «все стороны советского бытия». К этому призывают нас исторические решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства и доклад тов. А. А. Жданова о ленинградских журналах.

Как выполняем мы эти справедливые указания? Все ли мы делаем для того, чтобы на деле оправдать высокое доверие, которое оказывают нам, советским писателям, народ, партия, товарищи Сталии, наавший нас «инженерами человеческих душ»?

ЦК КП(б) Белоруссии обсудил недавно вопрос о том, как выполняются постановления Центрального Комитета ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Союз писателей Белоруссии, редакции литературно-художественных журналов «Беларусь» и «Литература и эстрада», и ведущие газеты «Литература и мистаки».

Исторические решения ЦК партии и доклад тов. А. А. Жданова оказали благотворное влияние на белорусскую литературу. В творчестве наших литераторов заняло видное место произведения, посвященные жизни советского общества, геронимским подвигам народа. Выдающиеся поэмы «Рыбаков хаты» создал народный поэт БССР Якуб Коц, образами в них воссодение белорусского народа в едином белорусском государстве. Современный тематико-социалистическому строительству — посвящены новые стихи А. Кулешова, М. Танка, П. Панченко, К. Киренко, А. Зарипко, М. Лужанина, Э. Отчевет, Х. Мальцинского. Новые поэмы — «Семья», «Соседи» — опубликованы А. Белевичем. Растет у нас талантливая поэтическая молодежь — об этом говорят стихи М. Гамолиной, А. Багицкой, А. Бачинской, П. Пранзы и других. Некоторые, к сожалению, пока неизвестные успехи можно отметить в белорусской прозе — повесть М. Плещинской «Теплое дыхание» (о строительстве минского автомобильно-завода), первая часть романа А. Стаковицкого «Дядя мирым небом» (о восстановлении колхозов), повесть Т. Хайдукевич «Братство» — об международной солидарности тружеников, находившихся во время войны в фашистской неволе. Новый роман пишет М. Лыньков.

В драматургии выделяется пьеса молодого писателя А. Мовсона «Константин Засловов», с успехом поставленная в театре им. Янкса Купала. Вторую часть трилогии «Георгий Скарина» закончил М. Климович. Над новыми пьесами работают К. Кривицкий, П. Глебка, Я. Мавр, И. Гурский, П. Ковалев, А. Кучар, В. Вольский. Подготовлено издание антологии белорусской литературы на русском, украинском и литовском языках. Союз советских писателей БССР улучшил идеино-политическую и организационную-творческую сторону своей деятельности, начал вести работу по марксистско-ленинскому воспитанию писателей, привлек их к активному участию в общественно-политической жизни и республики.

Но все сделанное еще очень и очень неизменно по сравнению с теми задачами, которые стоят перед белорусской литературой. Союз советских писателей республики еще не совершил коренного перелома в своей работе, не сделал всех необходимых выводов из постановленных ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах.

Подготовлено издание антологии белорусской литературы на русском, украинском и литовском языках. Союз советских писателей БССР улучшил идеино-политическую и организационную-творческую сторону своей деятельности, начал вести работу по марксистско-ленинскому воспитанию писателей, привлек их к активному участию в общественно-политической жизни и республике.

Многое зависит в этом отношении от журналов «Полымя» и «Беларусь». К сожалению, эти журналы до сих пор работают плохо. Выход их систематически запаздывает. В них не сотрудничают ведущие писатели, и страницы журнала, особенно «Беларусь», часто заполнены второстепенными произведениями. Молодые писатели привлекаются слабо.

ЦК КП(б) подчеркнул в своем решении, что парторганизация Союза советских писателей БССР еще не научилась сочетать партийную работу с идеейным руководством творческой деятельности писателей. Парторганизация допустила серьезную ошибку.

В белорусской послевоенной литературе появилось еще значительных произведений о борьбе белорусского народа с немецко-фашистскими захватчиками, о крупнейших промышленных новостройках, о геронимском труде колхозного крестьянства, о развитии белорусской советской культуры. Слабо пропагандируются в белорусской литературе имен советского патриотизма, превосходство советского человека над человеком буржуазного общества. Не нашли до сих пор отражения и темы социалистического строительства в западных областях БССР, процессы происходящей там классовой борьбы и перевоспитания тружеников в духе советской идеологии. Писатели не оказали помощи бывшим руководителям партизанской борьбы в Белоруссии в подготовке к печати их дневников, документов, записей, воспоминаний.

Заметно отстающим отрядом белорусской литературы являются прозаики. Мы не имеем еще ни одного крупного прозаического произведения, в котором были бы правдиво показаны образы лучших сынов Белоруссии. Некоторые произведения на современные темы просто слабы или ошибочны. Например, в повести молодого автора Р. Нехал «Днепровские волны» народные мастера обрисованы крайне по-

верхностью. Не похожи на белорусских партизан и герой рассказов М. Климовича, всплывающие в жизни предначертания новой сталинской пятилетки. Советским писателям принадлежит почетная и ответственная роль: захновлять наш народ на этот великий труд, осмысливать и обобщать его опыт, творчески, активно вмешиваясь во все области жизни страны, «все стороны советского бытия». К этому призывают нас исторические решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства и доклад тов. А. А. Жданова о ленинградских журналах.

Есть недостатки и в произведениях, посвященных партизанской борьбе в Белоруссии. Ф. Пестрака, Я. Шараховского и других.

Нет у нас до сих пор и пьес о после-

войной жизни белорусского народа, нет и новых массовых патриотических и лириче-

ских песен.

Перед нами стоит неотложная задача —

создать значительные художественные

произведения, отражающие развитие народного хозяйства, процесс индустриализации

республики, геронимский труд колхозов, восстанавливавших пострадавшие в результате войны сельское хозяйство.

Правление СССР Белоруссии предложено

коренным образом улучшить работу творческих секций, организовать систематическое обсуждение всех новых произведений белорусских писателей и наиболее значительных произведений литературы братских народов. Опытные, квалифицированные писатели должны активно участвовать в работе этих секций и руководить ею.

Для ознакомления белорусского читателя с творчеством писателей братских республик и народов славянских стран, а также

продолжает оставаться неудовлетворительным.

Он выходит из Союза советских писателей в свою очередь не направляет работу критиков и литераторов. В литературно-художественных журналах и газетах часто безудержно захваиваются слабые произведения, практикуются взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской драматургии» В. Вольского по сути дела смешивает политические ошибки, допущенные в пьесах К. Кривицкого и А. Кучара «Задолжники». Во многих статьях и рецензиях литературоведов, пытаящихся выявить социалистическую науку в произведениях белорусских писателей, наоборот, практикуется взаимная амнестия недостатков и ошибок. Например, в статье «Крупные ошибки в некоторых произведениях белорусской д

Вера СМИРНОВА

Документ великого времени

Среди книг советской литературы есть известность, которую перенимаешь каждый раз с волнением. Написана эта книга убежденным и страстным педагогом-коммунистом, в нее вложил большой опыт работы на покоренном ему партией участке строительства нового общества. В этой книге нет ничего выдуманного, она — документ великого времени, автобиография советского работника. Читая ее, почти не замечаешь писателя, видишь все время перед собой талантливого, смелого, волевого человека, педагога, окрыленного идеями коммунистического воспитания, руководителя молодого человеческого коллектива, и только потом понимаешь, что это и есть тот талант инженера человеческих душ, в котором сияла прелест книги. Автор сам гордился, что в себе это единство, это слияние педагога и писателя. Недаром он смело называл свою книгу «Педагогической поэмой». Он понимал, что в его скромном педагогическом деле жила такая высокая поэзия, которая давала ему право на звание художника. Но в то же время, будучи работником «трудной и хитрой науки педагогики», он считал себя только одним из исследователей, испытателей новых советских методов педагогики и мечтал о том, что «может быть, очень скоро у нас перестанут писать педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания».

В этой неоднозначности литературы от жизни, в этой неразрывности, когда книга для писателя — не привычное ремесло, а неподдельная потребность высказаться, передать свой опыт, пропагандировать его, биться за него, — заключается жизненность книги А. Макаренко, «этайна» ее мелодии, ее воздействия на читателя.

Чрезвычайно важен вопрос о сроке жизни литературного произведения, о стойкости правды его, об испытании временем, вообще вопрос о «воздействии» литературы, о том, «волнует» или «не волнует» книга. Необычайно интересно, отойти на годы от наших книг, увидеть окончательно проясненные их смыслы, их ценность, их красоту.

«Педагогическая поэма» А. Макаренко, может быть, одно из наиболее ясных, чистых монологов созданий нашей литературы, ничего не утерявшее от времени.

В чем сила его, в чем поэзия. В чем та новизна, без которой не мыслится художественное произведение?

«Видеть хорошее в человеке всегда трудно», — пишет А. Макаренко в автобиографическом очерке, предисловием последнему изданию «Педагогической поэмы». — «В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе, сколько-нибудь незадорогом, это хорошо видеть почти невозмож но, оно слишком приクトко мелкой повседневной борьбы, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходит всегда при проектировании, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться».

Эта потребность проектировать в людях хорошее, это «оптимистическая гипотеза» советского педагога — только частичка того великого оптимистического умения о мироустройстве и о человеке, которое привозило на землю коммунисты. Среди всех учений о человеческом обществе — это самое справедливо, жизнеутверждающее, гордое и требовательное.

ДВУХТОМНЫЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА

Институт русского языка Академии наук СССР готовит к печати серию книг, исследующих процесс развития русского литературного языка. В беседе с нашим сотрудником руководителем отдела истории русского языка академиком В. Бигондровым сообщили, что первый сборник этой серии будет слан в печать осенью 1947 года.

— Сборник посвящается анализу языка Карамзина, поэта Дмитриева, М. Н. Муравьева, Крылова, Державина и Хараскова. В него войдут: мои статьи «Эволюция языка и стиля Карамзина» и «Некоторые производствия Карамзина», статьи докторантов Ю. Сорокина «Русская народная речь в словаре Академии Российской 1789—1794 годов» и А. Ефимова «Фразеологический состав повести Карамзина «Наташа Борская дочь», доктора С. Ожигова «Русское литературное произношение в конце XVIII и в начале XIX в.».

Отдел, которым я руковожу, работает также над составлением большого (270 печатных листов) двухтомного словаря языка Пушкина. Первый том словаря намечено выпустить в 1949 году к 150-летию со дня рождения поэта.

С. ЛЬВОВ

Сентиментальные рассказы

Книга Г. Федорова «На рассвете обединяет» включает в себя рассказы, действие которых происходит в дни Великой Отечественной войны или вскоре после ее окончания. Рассказы могут быть разделены на две группы. Первая — характеризуется жизненностью положений и правдоподобием характеров. Можно спорить о частностях рассказов «Дом № 147», «Старик», «Теплые руки», «По следам врага»: не все эти рассказы в одинаковой степени удались автору, но путь, избранный в них писателем, не вызывает возражений. Убедительно показано превращение одиночной, бездомной неудачники, не имеют ничего общего с человеческим обществом. Основное чувство, которое они вызывают, — чувство жалости.

Наиболее типично для этой группы рассказов — «Немезия». Его героя — безответственную девушки, сотрудники нацистов просят ее дежурить за них.

Первое и единственное большое событие в жизни Капы происходит на вечерице у супружников, празднующей приезд с фронта племянника — лейтенанта. «Это был уже немолодой... полноцветный человек», — сообщает автор. В сущности это почти все, что мы узнаем о втором герое рассказа: Капе, которая не ела с утра, наливали вину, и полноцветный лейтенант начинает рассказывать о фронте, «прижимаясь своим звонкими медалями к ее плечу». Когда нужно уходить домой, девушка кажется, что она проснулась «от сладкого сна». Сказав на прощание несколько теплых слов и условившись о новой встрече, лейтенант никогда не исчезает из жизни Капы. Она пишет ему два письма, но ответа не получает. Вскоре приходит известие, что он погиб на фронте.

«Как-то одна из сотрудниц со слезами

сказала Капе, что у нее погибла на фронте сестра. Капа подняла на нее печальные, но искренние, ставшие вдруг красивыми, глаза и с гордой, мужественной нежностью ответила:

— Что ж, надо уметь пережить горе. И у меня на фронте женщины убили...

Рассказ предельно сентиментален, почти зациклен на теме любви и счастья. И поэтизирует безропотность и покорность одиночной «обделенной судьбою» девушки. И поэтизирует и поэтизирует она была вполне уместен в пухлом теме литературных приложений к какому-нибудь дореволюционному «семейному» журналу. К сожалению, в сборнике Г. Федорова этот рассказ не один.

Майор Подгорный («На рассвете») — тоже Капа, только превращенная волека автора в мужчину и одетая в форму офицера. Он так же незамечен и безлик, как Капа: «...лицо у него было обыкновенное и невразительные черты; с обильной сединой на висках, с мутными, точно не пропашившимися глазами». Он был молчалив, всегда и всем аккуратен. За три года работы в штабе он нажил (подчеркнуто) сильных врагов, но в них не находил никакой жалости.

Капа во сне видела, что ее отца, который покрывалась толстой грязной коркой, отчаянно мерзла в своей вымощенной мхом ящичке. Но она не жаловалась, — стучала и стучала на холода пальцами».

Начинается Отечественная война. Для Капы война означает лишь увеличение мел-

т. Федоров. «На рассвете». Рассказы, «Советский писатель», 1947, 164 стр.

А. Макаренко «Педагогическая поэма»

Трудно было бы выдумать более острую форму, найти более выразительную обстановку, более подхалимый человеческий материал для доказательства справедливости «оптимистической гипотезы», чем та подхалимавшаяся «колония для малолетних преступников» в шести километрах от Потыни, на песчаных холмах, в которую в сентябре 1920 года пришел Антон Макаренко, чтобы здесь «нового человека по-новому делать».

Жестокость старого капиталистического мира, его несправедливость, все его грехи еще виднее, ощущимее и страшнее, когда они обращены к детям. Ребенок в старом мире беспризорен, беззащитен, запуган, одинок и почти всегда несчастен. Об этом достаточно сидеть в мире преступников в шести километрах от Потыни, на песчаных холмах, в которую в сентябре 1920 года пришел Антон Макаренко, чтобы здесь «нового человека по-новому делать».

Жестокость старого капиталистического мира, его несправедливость, все его грехи еще виднее, ощущимее и страшнее, когда они обращены к детям. Ребенок в старом мире беспризорен, беззащитен, запуган, одинок и почти всегда несчастен. Об этом достаточно сидеть в мире преступников в шести километрах от Потыни, на песчаных холмах, в которую в сентябре 1920 года пришел Антон Макаренко, чтобы здесь «нового человека по-новому делать».

Было ставить перед собой, обосновывать философии и решать тут же своими силами всее все послесловия и всю ответственность и попутно пытаясь сформулировать выводы.

Все было неправильно, все известные приемы, найденные в детях, а что и как делать — предстояло еще придумать и решить. Но приходу своему в колонию Макаренко был уже опытным педагогом-общественником, много лет учительствовавшим в школе рабочих-железнодорожников. У него было такое оружие, как ленинские идеи о коммунистическом воспитании, советская политика народного образования, как великая русская литература, и большое количество всяческих знаний и умений. У него было ясное понимание, что сима советская действительность педагогичка в самом высоком смысле этого слова и что нужно выработать философские приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзей и товарищей, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзей и товарищей, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

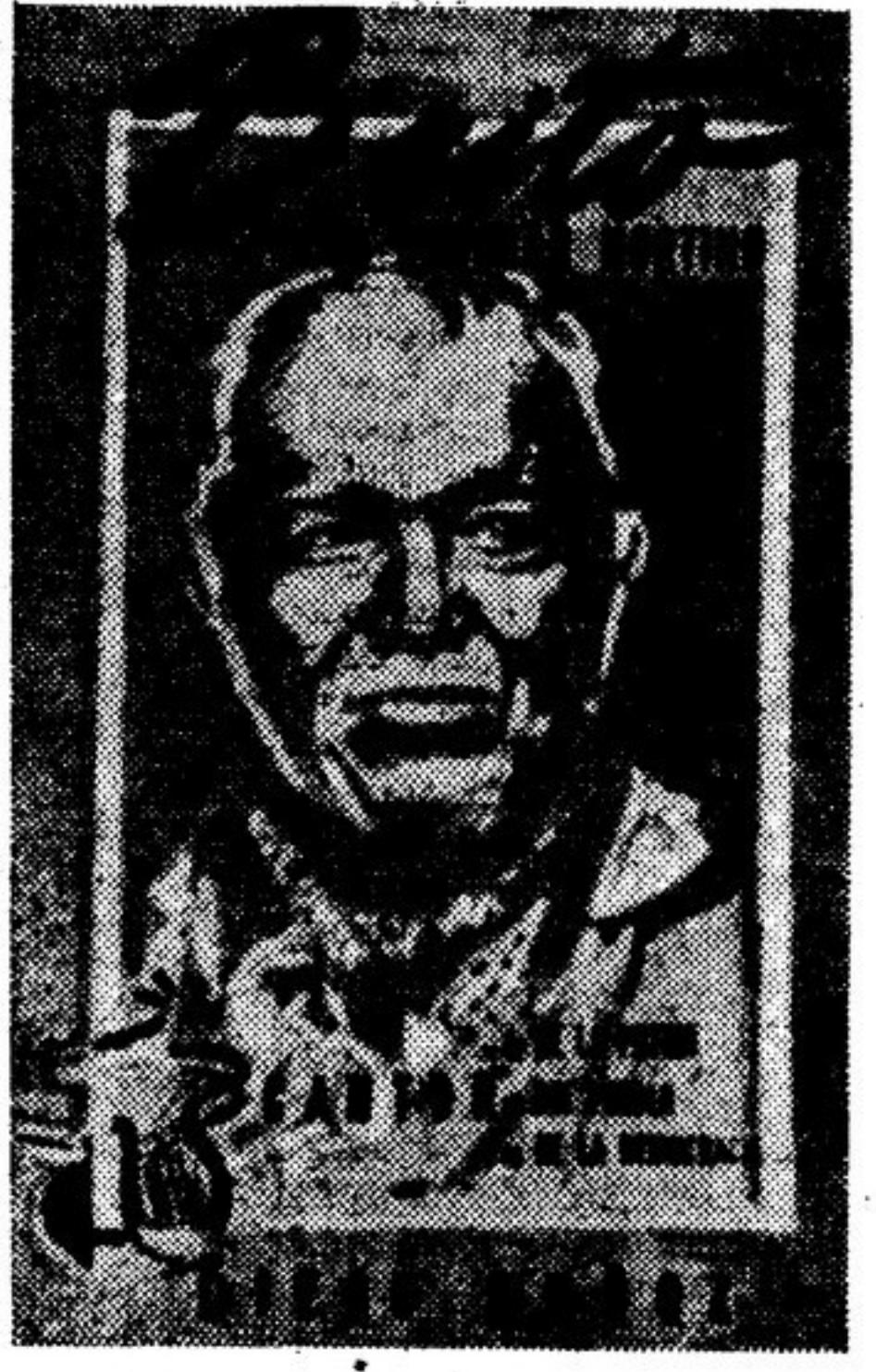
Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

Горький со всей прямотой, с неизвестностью

разబрил лицемера старого мира в отношении к детям. Духовный ученик, памятником которого является Тихий, смотрит на мир с высоким смыслием, и что нужно выработать философии приемы для перенесения детской среды, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установившихся новых традиций советской жизни. Очень скоро в дело пошли все необходимые для воспитания и перевоспитания средства: организация, труд, коллектизация.

Вера в человека, который сам-то пришел в себя не верить, оказалась самым сильным оружием в руках педагога-коммуниста, она-то и дарила горы. Эта вера окрыляла жизнь мечтой о будущем, действенной мечтой, делала человека сильным и смелым, помогала ему найти везде друзья и товарищи, не быть одиночкам, потому что одиночеством были люди, не доверяющие ни себе, ни другим.

О. САВИЧ ЧИЛИЙСКИЙ АКИН

Обложка книги Абраама Хесуса Брито, изданной в Чили

Союз чилийской интеллигенции только что издал под редакцией Диего Муньоса большую сборник стихов народного поэта Чили Абраама Хесуса Брито. Книга предположена стихотворение Пабло Неруды, крупнейшего чилийского поэта, коммуниста, сенатора и представителя Чили в организации Объединенных наций, написанное на смерть Брито в 1945 году.

Чилийские горные отгрызы
Прогодили его дороги.
Прогодили он по пустыням,
Где не слыхали вишины.
Далеко простирались дюны.
Всюду шел он, волю живой он,
Лесен множества сложил он
Под налеем гитарных струн.
Ах, как искривлены губы!..
Однако не зев! Был здесь он,
Неустанный мастер песен:
Гвоздь за гвоздиком вбивал он,
Черепину к черепице,
Стих, как крыша, настилали он...
И в мешке дорожной нее...
Тяжкий груз народных слез.

Брито, действительно, обещал Чили из края в край. В одном из своих щуточных стихотворений он говорит, что глаза его — в одном месте, пальцы — в другом, уши — в третьем. Он всегда находился в пути, и никто его был его постоянным спутником. Свою биографию он начинает так:

Только правда я скрепляла
Пописьми своей руки;
Книги моя — дороги белестий,
А скульптура грабитель жаждий!..

Сын шахтера, он был горняком и землемещем, работал на селитренных конях и в портах, искал занятий в городе и в деревне и даже в старости не раз носился под открытым небом. Песнопостом он стал с юных лет. В первую очередь именно певцом: в Чили поэт, не исполняющий своих песен (конечно, народный поэт), остается в безвестности.

В детстве Брито слышал выдающихся мастеров народного творчества, у которых перенял их славное искусство — пение-отклики на события жизни. В начале нашего века, в эпоху реакции и проникновения «егриго» (презрительная кличка японцев) в чилийской промышленности, в период американизации газет и заполнения экранов голливудскими фильмами, народная поэзия стала мельчать. Песни пели о гангстерах, излагали уголовные процессы, превращались в репортеров говорящей желтой прессы. Перелом произошел лишь в 1938 году, когда в Чили в власти пришел народный фронт и всплыли компартии распространявшие на широкие народные массы. К тому времени Брито было уже 64 года. Но оказалось, что старик-певец остался верен своей молодости, что «корни для своих ног», как говорит Неруда, он искал не в прошлом, а в будущем. Он стал подлинным народным поэтом не по имени, не по готовым песенкам (в Чили поэт, не исполняющий своих песен, конечно, народный поэт), остается в безвестности.

В детстве Брито слышал выдающихся мастеров народного творчества, у которых перенял их славное искусство — пение-отклики на события жизни. В начале нашего века, в эпоху реакции и проникновения «егриго» (презрительная кличка японцев) в чилийской промышленности, в период американизации газет и заполнения экранов голливудскими фильмами, народная поэзия стала мельчать. Песни пели о гангстерах, излагали уголовные процессы, превращались в репортеров говорящей желтой прессы. Перелом произошел лишь в 1938 году, когда в Чили в власти пришел народный фронт и всплыли компартии распространявшие на широкие народные массы. К тому времени Брито было уже 64 года. Но оказалось, что старик-певец остался верен своей молодости, что «корни для своих ног», как говорит Неруда, он искал не в прошлом, а в будущем. Он стал подлинным народным поэтом не по имени, не по готовым песенкам (в Чили поэт, не исполняющий своих песен, конечно, народный поэт), остается в безвестности.

Для Брито родина — всегда «наша Чили». Не «наша», именно «наша». Горячий патриот, он воспевает пейзажи родной страны, ее богатство и красоту, а главное — ее народ. Азиатское общество придает американским чилийским судам, — Брито отзываетесь на это гневным стихом. В Чили обнаружены нефтяные источники, — Брито, пусть плавно, выражает горячую надежду, что народ...

* Стихи Брито перевел Илья Френкель.

Антология русской классики и советской поэзии в Чехословакии

В издательстве «Матица Словенска» (Св. Мартин Градек, Словакия) вышел сборник «Из русской поэзии» — избранный перевод на словакский язык Яна Плончика.

Классика представлена в сборнике произведениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

В раздел советской поэзии включены

нее достояние пойдет на искоренение бедности, превратится в довольство для каждого гражданина. Возникает стачка горячков, — Брито восторгается ими и ободряет их. Он хорошо знает, что такое труд. Для него 1 мая — не только праздник, но прежде всего день памяти погибших и мучеников за рабочее дело. Он посвящает стихи конфедерации трудящихся Чили:

Пусть на гнетом торжествует
Долгожданная свобода!
Пусть развеется на ветру
Гусиный пух рабовладельцев!

Брито, как и его народ, понял, что коммунисты — авангард рабочего класса. Он готов служить ей, чем может. Наступает 30-й годовщина чилийской компартии, — Брито пишет:

Как простой поэт народа,
И не слишком знаменитый,
Но поэзия его необыкновенна,
Славяя лето триумфальная,
Славяя путь борьбы к победе,
Славяя овяненный легендой,
Славяя благородство цели,
Славяя бытвы за культуру,
Славяя будущее Чили!

Откликаясь на все явления жизни, Брито не ограничивался местными или только чилийскими темами. Он понимал, что происходит в мире. Он понимал, чем грозят миру союзники чилийской компартии, — Брито пишет:

На улице 25 Октября, называемой президентом Николаевым, желающим открыть Красную площадь, стоит двухэтажное здание, необычайной архитектуры. В нем помещается Историко-архивный институт. На здании высится надпись: «Здесь в 1848 году по указанию царя Ивана Грозного была построена первая в России печатная изба». Наблюдал за постройкой печатной избы и вел в себе ее работы дважды Иван Федоров, великий русский первопечатник.

Первая русская типография прошла успешно в первоначальном виде недолго. 1 марта 1564 года она выступила в свет отпечатанной Петром Тимофеевичем Мстиславским книгу «Апостол», набранную кириллическим славянским шрифтом. Вслед за «Апостолом» выпустили два издания «Апостола» в 1565 году, а другое — в 1566 году, 29 октября 1565 года.

После отпечатания второй книги первопечатников и типографии постигла трагическая судьба. По неустановленным с исторической точки зрения причинам в первом же году избы было подвергнуто духовному богоизбранию, как огня, нового великого достижения культуры. Типография была сожжена. Восстановленная в 1567 году и учредившая подпись Ивана Федорова Андрионик Невежа и Никита Тарасьев напечатали там новую книгу — «Псалтырь». С 1567 по 1568 год неизвестно ни одного изданья, а затем опять Московской печатной избы, вероятно, из не было. Известно лишь, что Иван Грозный принял Андрионику Невежу, устранил избы в Кремль в Александровский сад, где она стала оборудованием Московского печатного двора и где в 1577 году книгу был отпечатан «Псалтырь». В избе возобновились работы. Московская избы выпустила первую книгу, которая вновь издавалась Андриоником Невежа. Появляются книга «Триодь постная» и несколько других.

Во время интервенции 1610—1611 годов Московский печатный двор вторично был сожжен и временно оставлен. Тогда избы отстроили в 1614 году при участии избранного царем Михаила Романова. Московский печатный двор в первые десятилетия своего существования выпустил первые изданья в огромных тиражах, в несколько языков.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому городу первенства в печатном деле. Но значение московской полиграфии, естественно, гранько возросло за счет соединения избы с типографией. А поэзии этого здания, нескользко лет позже к лицам к плащам Свердлова, стоит прекрасный памятник Ивану Федорову, русскому первопечатнику.

Следующим существованием Печатного двора Москвы не уступала ни одному русскому